

Роман Тименчик
Из Именного указателя
к «Записным книжкам» Ахматовой.
Фрагмент № 21

Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969) — критик, поэт (ср.: «[Я], прощаясь, сказала [И. Бродскому]: „Ничего, одолеем Бармалея”»¹), отец Л. К. Чуковской (С. 372), автор доклада 1920 г. «Две России» (С. 69, 146), позднее напечатанного как статья «Ахматова и Маяковский» в журнале «Дом искусств», 1921, № 1 (С. 140, 168, 171). Эта статья была разобрана Г. О. Винокуром.² Позднее в той же газете появилась заметка, продолжившая тему:

«Что, в самом деле, „противоположнее” этих двух поэтов! „Я” и „мы”, ком[на]тность и планетарность, шепот и рев, двое и... „150.000.000”! Это занятное размежевание двух поэтических стихий по формальным, внешним признакам не исчерпывает, однако, ни Ахматову, ни Маяковского. Ахматову от Маяковского отличает не только числовой коэффициент лирического переживания. Конечно, у нее — единственное число. Конечно, у него — множественное. Здесь — „ты в первый раз одна с любимым”. Там — „миллионы больших и чистых любвей и миллион миллионов маленьких грязных любят”. Здесь — „на правую руку надела перчатку с левой руки”. Там

© Roman Timenchik, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 667; в дальнейшем — С. и номер страницы.

² Кириллов Л. [Винокур Г. О.] Ахматова и Маяковский в оценке К. Чуковского // Новый путь. Рига, 1921. 27 марта.

горящие руки „Лузитании“. Здесь, если преувеличение, то: „насчитала пять ступеней, а их было только три“. Там — „версты улиц взмахами шагов мну“. Вот она — безумно-стремительная походка человека автомобиля!

Совсем не та походка у Ахматовой, походка ее стиха.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки

Или — по новым стихам: „И не похожа на полет походка медленная эта“.

Но любопытно: ведь Ахматова-то, так „легко“, так „медленно“ идущая четкой, как аллея английского сквера, строкою своего стиха, совершенно не знает, куда заведет ее этот „легкий шаг“. Она даже счета пройденному не знает:

Насчитала пять ступеней,
А их было только три <sic!>

Это не стремительный автомобиль Маяковского, кажущееся „безумие“ которого математически точно регулируется коробкой скоростей. Самая смиренная лошадь опаснее автомобиля — потому что она не механизирована. А Пегас — лошадь, пусть крылатая.

Вот в каком отношении Ахматову можно противопоставить не только Маяковскому».³

Статья имела едва ли не беспрецедентный резонанс. См., например, отголосок у И. Эренбурга: «Нас соблазняет уличная ругань или будуарный шепот, Маяковский и Ахматова».⁴ Об этой «броской дифференциации» подробно писал Николай Евреинов в книге о Михаиле Нестерове.⁵ Ср. также: «Чуковский — мастер плаката. Его критический метод сводится к заботе о метких карикатурах, ошеломляющих сравнениях. Пишет про тихую и сдержанную Ахматову и, конечно, сопо-

³ Москвич. «Подорожник» // Новый путь. Рига, 1921. 6 августа.

⁴ Эренбург И. Портреты современных поэтов. СПб., 1999. С. 37.

⁵ Евреинов Н. Н. Оригинал о портретистах. М., 2005. С. 213—215.

ставляет ее с... Маяковским»⁶; «Но критик — такое удивительное существо, что все его „впечатляет“: он целомудренно грустит с Ахматовой и вибрирует от звериного рыка Маяковского. Он — эклектик по природе...»⁷; «Правда, по „честному заверению“ Чуковского, над одной замахала было тень Пушкина, — но как-то криво»⁸; «Ведь ясно же, что умному, хитрому, хлесткому одесситу Чуковскому решительно никакого дела нет ни до Ахматовой, ни до Маяковского, а вот хвалит их, и от этой лжи претит»⁹; «Это ведь Чуковский назвал Блока певцом города, а Ахматову — влюбленной монахиней. В этих кличках, особенно в блоковской, сказалась нелепость желания отделаться от живого поэта одной формулой». ¹⁰ В советском литературоведении ей досталась плохая доля:

«В эти годы классиками пытались бить и по революционной поэзии Маяковского. Насколько безапелляционно-грубыми были попытки выключить Маяковского из традиций русской классической литературы и противопоставить ее его творчеству, указывает такой факт. В 1920 году К. Чуковский опубликовал статью под названием „Ахматова и Маяковский“, в которой, фальсифицируя историю русской литературы, пытался выдать декадентку Ахматову за наследницу русской классической поэзии, а новаторство Маяковского превратить в повод для полного противопоставления его этой поэзии. „Ахматова есть наследница всех драгоценных богатств русской словесной культуры. У нее множество предков: и Пушкин, и Баратынский, и Анненский... А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение ны-

⁶ Оцуп Н. Корней Чуковский // Последние новости. 1928. 23 августа; Оцуп Н. Современники. Париж, 1961. С. 94.

⁷ Мочульский К. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 95.

⁸ Крученых А. Кукиш прошлякам. М.; Таллинн, 1992. С. 29.

⁹ Фет, Блок и Садовской. Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому. 1921—1922. Вступ. ст., публ. и примеч. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83—84. С. 95.

¹⁰ Адамович Г. Литературные беседы. Т. 1. СПб., 1998. С. 117.

нешней революционной эпохи, в нем ее верования, крики, провалы, экстазы". По мнению автора статьи, Маяковский — „вдохновенный громила“, „призванный не писать, а вопить“. Если иметь в виду, что такие попытки делались в то время многими представителями буржуазного лагеря, то станет понятным гнев Маяковского, с которым он обрушивался на всех пытавшихся отгородиться Пушкиным от революционной современности...

Нужно отметить, что статья Чуковского вызвала на страницах журнала „Печать и революция“ (1921) совершенно справедливые резкие возражения А. В. Луначарского.¹¹

Ряд других отзывов приведен в обширном комментарии Евгении Ивановой.¹²

Образ, созданный в статье, — по слову Э. М. Бескина, «сексуальный клерикализм Ахматовой»,¹³ — отразился в стихотворении Э. Ф. Голлербаха, посвященном автору статьи:

Анна Ахматова

Корнею Ивановичу Чуковскому

Безмолвие. Глубокая безгласность.
Едва заметное движенье губ.
Мир, погруженный в суету и страстность,
Как лава сер, как изверженье груб.
Но в этом раскаленном океане
Есть остров, где золотоглавый скит
На облаков разорванные ткани
Крестами многодумными глядит.
В скиту живет подвижница-блудница:
Печален взор застывших синих глаз...
Мне этот взор весною часто снится,
Как повесть, читанная много раз.
Иконописно — скованы движенья,
Но хищный профиль дерзок и остер.

¹¹ Наумов Е. Маяковский в первые годы советской власти (1917—1922). М., 1950. С. 61—62.

¹² Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. М., 2004. С. 628—630.

¹³ Вестник Рабис. 1921. № 7—9. С. 111.

Как душен дым церковного кажденья!..
Как вешний соблазнительен простор!..
Суровы очи ликов пожелтелых
В колеблющемся отсвете свечей.
Зачем же в сердце вьется стая белых,
Воркующих, влюбленных голубей?..
Рукой сухой, рукою восковою
Пергаментный раскрыт молитвослов...
Ах, где-то есть за далью голубою
Вино, цветы, завешенный альков.
У пояса оливковые четки,
И вместо челки — сумрачный клубук.
— О если бы в крылатой углой лодке
Уплыть из плена благолепных мук!

—

...Она умрет в прозрачный день осенний,
В тот янтареющий, медвяный час,
Когда луч солнца в алтаре Успенья
Позолотит резной иконостас.

И перед смертью оттолкнет причастье,
И медленно взлетит к престолу Сид,
Поцеловав в последний миг запястье,
Которое ей милый подарил.

1921¹⁴

Один упрек в статье Чуковского, по-видимому, запомнился Ахматовой надолго: «Ахматова в своих стихах не декламирует. Она просто говорит, еле слышно, безо всяких жестов и поз. Или молится почти про себя. В той лучезарно-ясной атмосфере, которую создают ее книги, всякая декламация показала бы неестественной фальшью. Признаюсь, что меня больно укололи два ее александрийские стиха, столь чуждые всему ее творчеству:

Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2227 (Ирецкий В. Я.). Оп. 1. Ед. хр. 266; «вино» и «альков» были заменены потом, в публикации 1923 в альманахе «Возрождение» и в 1925 в антологии Э. Голлербаха «Образ Ахматовой», на «Плеск музыки, дыхание цветов».

Мне показалось, что Ахматова изменила себе, что эти парижские интонации и жесты она, в своем тверском уединении, могла бы предоставить другим.

Я потому заговорил об этих строках, что они у нее исключение. Вообще же ее книгу нужно читать уединенно и тихо; от публичности она много теряет. А в Маяковском каждый вершок — декламатор».

Это место в статье вызвало возражение Георгия Адамовича: «Чуковский — российский Реми-де-Гурмон. Прочтем же, что написал он о двух популярнейших наших поэтах.

Ахматова — влюбленная монахиня. Эту единственную свою мысль о ней Чуковский повторяет на все лады и подтверждает бесчисленными цитатами. Но всякий читатель журнала „Дома Искусств“, вероятно, раньше того уже прочел „Белую стаю“ и общие черты индивидуальности Ахматовой знает. В статье Чуковского нет ни одного слова о том, каким же именно способом достигает Ахматова того, что ее монастырские песни запоминаются. Это было бы много интереснее.

Ахматову Чуковский хвалит за ее связь с землей или почвенность, как выражались у нас недавно. Чуковского „больно укололи два ее александрийские стиха“ и ему показалось, что „эти парижские интонации и жесты она, в своем тверском уединении могла бы предоставить другим“. Эти слова — целая программа. Неужели не понимает наш знаменитый критик, что парижские интонации есть именно то, без чего Ахматова перестала бы быть поэтом, что это пренебрежение и глухота к „Парижу“ на три четверти погубило Блока и всю русскую поэзию, что парижские интонации есть просто высокая сознательность поэта, не желающего превратиться в соловья, и что вообще давно пора бы оставить в заслуженном ими покое кости Буало. Этот Париж есть те дрожжи, без которых русское тесто не взойдет, а прокиснет.

Мне хотелось бы извиниться перед читателем за эти прописи, если бы не вызвало их запоздалое славянофильство Чу-

ковского»,¹⁵ — с последним утверждением затем спорил Адриан Пиотровский.¹⁶

Чуковский цитировал стихотворение из «Белой стаи»:

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять —
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так Ангел Смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

В разговоре с П. Н. Лукницким Ахматова вернулась к этому упреку: «Александрийский стих — у АА одно стихотворение. Не сознательно написала. Может быть, потому, что в то лето, в какое оно было написано, очень много читала Корнеля (Расина?)».¹⁷

Чуковский предполагал переделать часть об Ахматовой в отдельную работу,¹⁸ которую анонсировал публично: «К. И. Чуковский <...> готовит книги об Ахматовой и о футуристах»¹⁹. Поэтому статья «Две России» была разрезана на две

¹⁵ Цех Поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 64—65.

¹⁶ Пиотровский А. Петербург—Париж // Жизнь искусства. 1922. № 30. 1—7 августа.

¹⁷ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926—1927. Париж; М., 1997. С. 205; на самом деле шестистопным ямбом с цезурой на третьей стопе написано было Ахматовой не только это стихотворение. Ср.: «Летом 1915 в Слепневе читала Расина» (С. 667).

¹⁸ Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. С. 10, 38.

¹⁹ Новая книга. 1922. № 1. С. 26.

части, и часть о Маяковском вошла в сборник «Футуристы». Антитеза двух поэтов отразилась в этой части только мельком, и эти упоминания Ахматова зарегистрировала в материалах к своей автобиблиографии (С. 212):

«Этот пожар произошел от любви. Такова любовь у Маяковского. Пусть Ахматова, изображая любовь, описывает легкие прикосновения руки и чуть заметные движения губ, — Маяковскому нужно стоглазое зарево, стоверстный любовный пожар. <...> Откуда же при таких зрелищах взяться малостям, единицам, десяткам? Здесь одно мерило — миллион. Другим поэтам, напр<имер>, Ахматовой, эти широкие планетарные чувства не свойственны. Недаром она монастырка, словно стеной ото всего отгорожена. В стихах у нее ни одного миллиона. Грандиозное ей не к лицу. Когда началась война, Ахматова не заметила ни мадяров, ни негров, ни седоволосых океанов, ни Европы, горящей как люстра: она увидела одну лишь Россию, и в великолепных стихах стала молиться о ней, внимая пророчествам, обещавшим, что —

Нашей земли не разделит
На потеху себе супостат,
Богородица белый расстелит
Над скорбями великими плат. <...>

Он хочет синтаксически уплотнить свою фразу, выбрасывая предлоги, глаголы и проч. Порою это хорошо, порою плохо, но святотатственного здесь нет ничего. Думаю, что время оправдает и это. С нас же довольно и того, что Ахматова, свято соблюдая классические традиции русского слова, лучше отсечет себе правую руку, чем вступит на этот рискованный путь. Ей не нужно ни *иудить*, ни *навлинить*, чтобы создавать прекрасные стихи. С нее достаточно и существующих слов».²⁰

В перечислении важнейших отзывов о себе Ахматова пометила: «Блок <...> у Чук<овского>» (С. 318). Имеется в виду свидетельство, обнаруженное в 1922: «Покинуть Россию те-

²⁰ Чуковский К. Футуристы. Пб., 1922. С. 66, 69, 76.

перь — казалось ему изменой России. Он заучил наизусть недавно изданное стихотворение Анны Ахматовой и с большим сочувствием читал его мне и Алянскому в вагоне, по дороге в Москву:

Мне голос б[ы]л. Он звал утешно,
Он говорил: иди сюда!
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

— Ахматова права, — говорил он. — Это недостойная речь. Убежать от русской революции — позор».²¹

Здесь Чуковский излагал эпизод, зафиксированный в его дневнике 1 мая 1921: «Поездка в Москву. <...> В вагоне мы говорили про его стихи. <...> Об Ахматовой: „Ее стихи никогда не трогали меня. В ее „Подорожнике“ мне понравилось только одно стихотворение: „Когда в тоске самоубийства“, — и он стал читать его наизусть. Об остальных стихах Ахматовой он отзывался презрительно:

— Твои нечисты ночи.

Это, должно быть, опечатка. Должно быть, она хотела сказать:

Твои нечисты ноги.

Ахматову я знаю мало. Она зашла ко мне как-то в воскресенье (см. об этом ее стихи), потому что гуляла в этих местах, потому что на ней была интересная шаль, та, в которой она позировала Альтману. И какая у нее неуверенная дикция:

²¹ Чуковский К. Последние годы Блока // Записки мечтателей. Пб., 1922. № 6. С. 167—168.

Чтобы кровь из сердца хлынула
Поскорее на постель.

После „хлынула“ нужно поставить запятую и получится:

Чтобы кровь из сердца хлынула, —
Поскорее — на постель.

Какое неприличие”». ²²

Ахматова стала читательницей Чуковского в молодости — см. в бумагах Натальи Ильиной запись разговора с ней по телефону 19 октября 1962: «А знаете, я его в эти дни опять любила. Только что прочитала его статьи о Вербицкой и Чарской.

Она: Помню, я их читала в вагоне... Это был вагон третьего класса, звонкий, промороженный... не холодный, нет, но весь промороженный... Я ехала там одна и так смеялась.

Он был тогда молодой газетчик...!» ²³ Но его «блестящее своеобразие», — как говорил соратник Ахматовой по «Аполлону» и ее апологет, бывший при этом предметом профессиональной ревности Чуковского, «Валериан Чудовский, кропавший в „Аполлоне“ какие-то претенциозные статейки», ²⁴ — сочетающее силу синтеза микроскопа и силу анализа телескопа и сводящее творчество писателя к простому моменту, ²⁵ применительно к ней самой настораживало. Манеру критика характеризовал предпочитающий иную стилистику современник: «Чуковский бесспорно талантлив, остроумен, оригинален. По складу своего ума, воззрений, характеру письма он является типичным французским „causerie’стом“. Он умеет блестяще поговорить об Уайльде, футуристах, Помяловском, Альбове, Брюсове, Бальмонте, о чем хотите и как хотите. Статья для удачной остроты, претензия на исследование ради второстепенной за-

²² Чуковский К. Собр. соч. Т. 11. С. 331—332.

²³ РГАЛИ. Ф. 3147 (Ильина Н. И.). Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 18.

²⁴ Чуковский К. Собр. соч. Т. 13. С. 450.

²⁵ Аполлон. 1911. № 8. С. 67.

меченной черточки. Он всегда полон жажды к сенсации, открыванию литературных Америк. Кто кроме него сумел бы так наивно обрадоваться найденной, довольно слабой некраповской сатире и на ее основании читать лекцию о... „Достоевском по новым источникам"! Но эта же жажда вызывает у него и настоящие передержки. Ему хочется сказать что-нибудь „новое“ о Гаршине. Путем многократных розысков удастся выискать на протяжении 300—400 страниц следующее: в одном месте винтовка обозначена номером, в другом герой, подходя к окну, видит звезду Арктур, и еще с полдесятка. „Ничтоже сумняшеся“, прыткий критик пишет статью: „Лавочка весов“, где говорит — „раскрываю я одну страницу, вижу то-то, другую то-то“ и т. д. Читатель думает: ну, если Чуковский привел пять примеров, то у Гаршина их, вероятно, не менее сотни, и он уже согласен с Чуковским, что Гаршин всего лишь — „лавочка весов“... И так у Чуковского всегда: вывод готов задолго до доказательства, за последними он „в карман не лезет“. На bons-mots, хлесткие фельетоны, дилетантские статьи, когда он серьезен, растрчивает Чуковский свой живой дар. Понятна становится целесообразность совета, данного ему А. Белым — „уйти на 5 лет в монастырь“. Конечно, после Чуковского отдыхаешь на изящных этюдах Айхенвальда, полных чисто-поэтических мест».²⁶ Поэтому, прочитав в письме Н. Гумилева в июле 1914 года: «...он читал мне кусок своей будущей статьи об акмеизме, очень мило и благожелательно. Но ведь это только кусок, и, конечно, собака зарыта не в нем!»,²⁷ — Ахматова спрашивала: «Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может».²⁸ И действительно, в своей статье Чуковский, например, писал: «Ах, как приятно в трамвае рассматривать усы и носы, не для прозрений мистических, не для касаний к потусторонним мирам, но просто так, потому

²⁶ Рындзюн В. О критике (Диалог) // Студенчество жертвам войны. М., 1916. С. 35—36; Рындзюн Владимир Ильич («Ветлугин»; 1897—1953?) — прозаик, критик, публицист.

²⁷ Гумилев Н. С. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 238.

²⁸ Там же. С. 339.

что приятно. Нам не нужно нездешних миров, мы и здешним чрезвычайно довольны. С аппетитом, ненасытно глядим на людей, на их скулы, горбы, черепа, на зверей, на предметы, и рисуем все зримое жадно в свои альбомы стихов. И радуемся, что нос это нос, а не знамение трансцендентного мира. К черту символику, мистику! Нам нужна не тайна, а явь. Будем только честны, рачительны, и все остальное приложится. Довольно кокетничать с безднами, откровениями, тайнами, довольно чревоуещать и пророчествовать! Здесь ведь не Синай, а Фонтанка! Так говорят акмеисты, и слова их не только слова: кроме „Цветущего посоха“ <С. Городецкого> у них много прекрасных созданий». ²⁹ И Ахматова могла бы представить себе, как в разных городах России, в Двинске и Бобруйске, любители словесности слушают с эстрады про то, как она разглядывает усы и носы в трамваях. В 1923 году Ахматова сказала Чуковскому: «Я, говорит, вас ужасно боялась. Когда <Ю. П.> Анненков мне сказал, что вы пишете обо мне, я так и задрожала: прinesi Господи». ³⁰

Впоследствии, с годами у Ахматовой росло убеждение, что статья «Две России», по записи мемуариста, «могла быть понята как обвинение Ахматовой в антисоветских настроениях, со всеми вытекающими отсюда последствиями», ³¹ — то, что речь идет именно об этой, а не какой-нибудь другой статье, письменно подтверждено мемуаристом. См. запись о причинах негласных, телефонно-правовых цензурных гонений на нее, начиная с 1925 года, из коих первая — публикация в берлинском издании „Anno Domini“ невозможного в советской печати стихотворения «Петроград (1919)» под заглавием «Согражданам» ³²: «То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третью моей вины, вызвавшей первое пост<ановление> обо мне (1925 г.), вторая треть — статья К. Чуковского — „Две России (Ахматова и Маяковский)“, тре-

²⁹ Журнал журналов. 1915. № 1. С. 8.

³⁰ Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. С. 117.

³¹ Ивановский И. Мастер // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 302.

³² См.: Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 488—489.

тья треть — то, что я прочла на вечере „Русского современника“ (апрель 1924) в зале Консерватории (Москва) „Новогоднюю балладу“» (С. 379). Вечер «Литературное сегодня» в Консерватории 17 апреля 1924 внесен в список дат и мест жизни: «В апреле 1924 — поездка в Москву (2 вечера — свой в Политехническом музее и „Русского современника“) <...> (Чуковский, Замятин, А. Н. Тихонов.)» (С. 664). Резонатором предубежденного отношения к статье Чуковского выступал, например, один из ценимых Ахматовой собеседников — Г. В. Глёкин. См. запись о сборе материалов к 75-летию юбилею: «Узнать про <...> статью „Две России“ (у Глекина?)» (С. 405). Ср. запись в дневнике последнего от 25 июня 1960: «...дала мне прочитать письмо Корн. Ив. Чуковского: „Дорогая Анна Андр. Я горжусь тем, что оказался среди тех Ваших современников, которых Вы сочли достойными для того, чтобы дать им экземпляры Вашей поэмы. Ее могучие ритмы захватили меня...“ У некоторых людей удобная память. Можно вынуть из нее лишнее — например, статью „Маяковский и Ахматова“ — и тогда все будет хорошо. И можно подписаться: „Целую ваши руки. Ваш К. Ч. РС. Я никогда не забуду слов, которые говорил мне о Вас Пастернак“».³³

В своих воспоминаниях он приводил монолог Ахматовой: «Все началось с известной статьи Корн. Ив. Чуковского. Но это были пустяки. Надо знать его, чтобы понять, откуда у него это взялось. Так ему тогда показалось — он и написал, ни о чем не думая. А вот формалисты и особенно ЛЕФ губили нас и погубили политически. Это Тынянов и даже Эйхенбаум с его испуганными книгами... Георгий Иванов и Николай Оцуп докончили нас в эмиграции».³⁴

Лично знакомы они были с 1912 года. В 1920 Ахматова записала в «Чукоккаду» стихотворение «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» — ср.: «Узнать про <...> Чукокка-

³³ Глёкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. М., 2011. С. 178; см. точный текст письма: Иванова Е. Чуковский и Ахматова: лицом к лицу // Некалендарный XX век. М., 2011. С. 37.

³⁴ Глёкин Г. В. Что мне дано было... С. 331.

ду» (С. 405), — присутствовала она и на вечере Блока в Большом драматическом театре 26 апреля 1921, который вел Чуковский (С. 672).

В ташкентской эвакуации они соседствовали. Местная поэтесса вспоминала: «Как-то Корней Иванович Чуковский, живший в то время в Ташкенте, пришел сюда к родственнице. Но прежде чем пройти к ней в комнату, он остановился поодаль, извиняясь передо мной, сказал:

„Подождите меня, пожалуйста. Я ненадолго зайду прежде к Анне Андреевне“. И ушел поспешным размашистым шагом. „Ну, — подумалось мне, — я пропала: теперь ждать и ждать! Заговорится и забудет про меня“. Но дверь тут же отворилась, и в проеме выросла крупная фигура Корнея Ивановича в каламянковой блузе. Пригибая голову, чтобы не стукнуться о притолоку, он подошел ко мне и, вскинув кверху указательный палец, значительно потрясая им, сказал в самое ухо:

— Не верьте, если вам скажут, что Ахматова больна. Именно тогда-то она и работает!». ³⁵ В письме к жившей там же поэтессе Вере Меркурьевой он писал 16 декабря 1942: «Я ведь загнанная кляча, у меня на „иждивении“ огромная семья, и я каждый день должен с утра до ночи халтурить, заниматься посылкой поденщиной, чтобы завоевать для нее и для себя еще один такой же бессмысленный день жизни. <...>

В этих пустяках я толкусь до ночи, и, напр., новую поэму Ахматовой, которую она мне прислала, я мог прочитать только когда заболел. Это тяжело, но это так». ³⁶

Отдельные встречи в 1950-е отмечены в дневнике Чуковского. Его имя есть в списке адресатов дарения книги 1958 года (С. 38), но соответствующий экземпляр нам неизвестен.

В 1962 предполагалась публикация двух глав «Поэмы без героя» в декабрьском номере «Нового мира», и Чуковскому было предложено написать предисловие. Еще до окончания

³⁵ Татарнинова Н. Звездный кров Анны Ахматовой // Звезда Востока. 1986. № 7. С. 171.

³⁶ Чуковский К. Собр. соч. Т. 15. С. 337.

его работы над статьей Ахматова уже знала основной тезис. 7 октября 1962 Г. В. Глэкин записал ее реплики по поводу неожиданного комплимента: «Большую же статью написал Корней Иванович, который начинает так: „Анна Ахматова — мастер исторической живописи“. „Только этого нам не хватало. Все было: и буря, и сплетня, и расправа — не хватало только этого. Ужасно!..”

„Я боюсь, что все это кончится тем, что меня снова закроют на переучет!”». ³⁷ К этому тезису то недоверчиво, то горделиво Ахматова возвращалась в последние годы своей жизни: «Оля Рыбакова сказала сейчас о К. Чуковском: „Он называет исторической живописью то, что мы называем пророческим даром“. (О „Поэме без Героя“.)» (С. 389); «Чук<овский> — [мастер] шедевр историч<еской> живописи» (С. 450). Ср.: «Поэма — волшебное зеркало, в котором каждый видит то, что ему суждено видеть. (4 примера — Чук<овский>, М<ихайлов>, Влот, Фил<иппов>.)» (С. 287).

Получив статью, Ахматова писала:

«Д<орогой> К<орней> И<ванович>.

С каждым днем у меня растет потребность написать Вам (писем я не писала уже лет 30), чтобы сказать, какое огромное и прекрасное дело Вы сделали [написав о Поэме без Героя], создав то, что Вам было угодно назвать „Ч<итая> Ахм<атову>“. Вы точно, очень легкой рукой, изящно и просто, но совершенно неопровержимо, рассказали о моем творческом пути и его завершении — Триптихе. Это мнение разделяют десятки людей, кот<орые> читали Вашу работу. Все в один голос утверждают, что [это самое нужное] Вы сказали о поэме самое нужное, самое главное. Благодарю Вас. Ахматова» (С. 222).

Л. К. Чуковская сообщала 14 октября 1962:

«Я была у нее, привезла твое предисловие. Она очень волновалась, читая. Я не меньше. Ей *очень, чрезвычайно нравится.*

³⁷ Глэкин Г.В. Что мне дано было... С. 244.

Знаю, что она уже всем показывает или сама читает вслух. Мне она говорила так: „Это первозданно и основополагающе... Этого еще никто не писал... Это — опровержение всех обычных представлений о моих стихах, опровержение спокойное, веское — без задора, — но совершенно неопровержимое. Ново, убедительно, неопровержимо“. „Это — по-европейски, умно, точно“.

И т. д. и т. п. без конца — мне и не мне».³⁸

После знакомства со статьей Чуковского возник на мгновение проект отдельного издания двух поэм — «У самого моря» и «Поэмы без героя»: «(Статья о двух поэмах.) М. б., — Чуковск<ого>» (С. 177). Тогда же в план предполагаемого вечера в Литературном музее было включено оглашение статьи «Читая Ахматову» (С. 262).

Ахматова считала статью практически напечатанной, и уже анонсировала ее в письмах (С. 247, 248, 255) и включала в свою библиографию (С. 217, 226, 249, 256, 319). Твардовский отказал в печатании поэмы, хотя от имени журнала А. Марьямов заказывал Чуковскому вступительную статью. Заметим, что заместителем у Твардовского служил литературовед А. Г. Дементьев, который в 1949 вещал с трибуны: «Товарищи, надо же прямо сказать, что Ахматова дрянной поэт».³⁹ Начались переговоры с журналом «Знамя» (С. 261), руководимым бодрым конъюнктурщиком В. Кожевниковым. И они так же закончились ничем. Весной 1963 возник еще один план: «Сделать статью Чуковск<ого> и мою поэму (Лида) для „Дня поэзии“» (С. 321), но в письме от 8 августа 1963 Н. Е. Горбаневская сообщила со слов Б. Ахмадулиной, что в ежегоднике «День поэзии» статья Чуковского не пойдет «за недостатком места»,⁴⁰ и Ахматова заметила в разговоре: «Лауреат Ле-

³⁸ Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912—1969. М., 2003. С. 388.

³⁹ Шапорина Л. В. Дневник. Т. II. М., 2011. С. 124.

⁴⁰ Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 202.

нинской премии и доктор Оксфордского университета предлагал ее в три журнала».⁴¹

В октябре 1963, на фоне унижительных проволочек с печатанием «Поэмы без героя» и вступления Чуковского, он спрашивал у дочери: «Как здоровье Анны Андреевны. Здесь отдыхает плюгавая, болтливая старуха, которая тоже зовется Анна Андреевна. Я вижу в этом святотатство и кощунство и ни разу не обратился к ней „по имени-отчеству“».⁴² В 1964 статья Чуковского наконец была напечатана в журнале «Москва» (С. 168, 302, 346, 439, 460, 465, 510, 605).

Следующим выступлением Чуковского об Ахматовой было оглашение по радио 5 июля 1964 заметки о ее 75-летнем юбилее⁴³, которую он потом передал для газеты «Неделя» в связи с сообщением о присуждении советскому поэту премии «Этна-Таормина». Заметка появилась под названием «Малиновые костры» 19 декабря 1964 (С. 511, 582, 605), и за два дня до того Чуковский записывал в дневник: «Сейчас был у меня Менделеев, редактор „Недели“. Привез мою статейку об Ахматовой, которая пойдет в ближайшем номере. От него несет водкой — человек он со всячинкой, но ура — заговор молчания об Ахматовой нарушен!!!! Но почему-то я очень волнуюсь за нее».⁴⁴ Один раз по рассеянности, но очень кстати, Ахматова назвала эту заметку «Малиновый звон» (С. 504). Намечая в конце 1964 план (несостоявшегося) творческого вечера в Литературном музее, Ахматова включила в число выступающих Чуковского (С. 470).

После сообщения в ноябре 1964 о присуждении ей звания доктора Оксфордского университета Чуковский, который это звание получил в 1962, и тогда Ахматова и Н. Я. Мандельштам «[п]оязвили в адрес <...> Корнея Иван. (с кисточкой)»⁴⁵, со-

⁴¹ Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 276.

⁴² Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. С. 392.

⁴³ Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. С. 397—398.

⁴⁴ Чуковский К. Собр. соч. Т. 13. С. 399—400.

⁴⁵ Глэкин Г. В. Что мне дано было... С. 235.

брался «повидаться с нею и как старый „Оксониан“ предложить ей несколько „ума холодных наблюдений“»⁴⁶. 24 марта 1965 Ахматова наметила поехать из Москвы «[в] Переделкино к Корнею» (С. 599, 590), но встреча не состоялась — «Он упал в Колон<ном> зале в обморок» (С. 599). Ср.: «В среду (24го) обещала приехать ко мне Анна Ахматова. Перед этим мне захотелось поехать на праздник детской книги в Колонный зал. <...> Кассиль говорит о космонавтах, — и вдруг все поплыло у меня перед глазами, и я еле добрал до дивана в фойе. <...> вызвали скорую помощь, и вот я, после сосудорасширяющей инъекции, возвращаюсь еле живой в Переделкино. Анна Ахматова уже в Переделкине (у Фриды <Вигдоровой>), но я не могу ее принять. Она уезжает, а я обречен на бездействие и на глотание всяческих ядовитых лекарств»⁴⁷; затем в записи Ахматовой от 2 мая: «Корней — в больнице» (С. 623), — а в следующий ее приезд в Москву, 27 мая, Чуковский записал: «Звонила вчера Анна Ахматова. Я давал ей по телеф<ону> разные довольно глупые советы насчет ее предстоящего коронавания. И между прочим рассказывал ей, какой чудесный человек сэр Исайа Берлин, какой он добрый, сердечный и т. д.

И вдруг Лида мимоходом сказала мне, что А. А. знает Берлина лучше, чем я, так как у нее в 40-х годах был роман с ним в Ленинграде (или в Москве), что многие ее стихи („Таинственной невесты“) посвящены ему, что он-то и есть инициатор ее коронавания. А он очень влиятелен и, конечно, устроит ей помпезную встречу.

Какой у нее, однако, длинный донжуанский список. Есть о чем вспоминать по ночам»⁴⁸. После этого разговора Чуковский сообщал в недатированном письме Исайе Берлину: «Скоро приедет к Вам Анна Андреевна, Ваша поклонница. Я послал ее фото Сергею Ал<ександровичу> Коновалову — не пригодятся ли они? В Италии ей было неуютно, и я уверяю ее,

⁴⁶ Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. С. 407.

⁴⁷ Чуковский К. Собр. соч. Т. 13. С. 405.

⁴⁸ Чуковский К. Собр. соч. Т. 13. С. 410—411.

что в Оксфорде ей будет оказан чудесный прием и что она почувствует себя как в родном Комарове».⁴⁹

Ахматовская запись от 1—2 октября 1965: «У меня тяжелое гриппозное состояние. Письмо Корнея» (С. 674), — ср.: «Дорогая Анна Андреевна.

Вот отрывок из письма сэра Изайи:

„Анна Андреевна была у нас — не знаю как она себя в Англии чувствовала — гостиницу ей выбрал „Бритиш Каунсил“ скверную в Лондоне; а в Оксфорде „стояла“ она в том же самом — добром старом „Рендольфе“. Чем богаты... А впечатление она сделала огромное на всех нас: <Мориса> Бауру нашла гениальным переводчиком; гордо, сурово и поделом осудила и Георгия Иванова и Маковского (за вранье и сплетни) и разных американских издателей за разные по отношению к ней гадости. А меня выругала за то, что я перевел Тургенева — к которому ее отношение приблизительно — Достоевского“.

О Вашем пребывании в Англии пишут мне: Peter Norman — представитель „Бритиш Каунсила“ прикомандированный к Вам; J. S. G. Simmons; доктор L. P<asternak> Slater, и еще двое-трое, а также Ваша американская почитательница Sonya Gordon <Р. Н. Гринберг>, которая по моему совету перелетела океан, чтобы присутствовать на церемонии в Шелдонском театре, которую она зовет „коронованием“.

Ваши фотоснимки pošлю Коновалову лишь тогда, когда удостоверюсь, что он в Оксфорде; все это время он скитался по континенту.

Ваш К. Чуковский»⁵⁰

⁴⁹ Oxford. Bodleian Library MS. Berlin. Box 170. F. 213.

⁵⁰ К «еще двое-трое» Чуковский сделал сноску: «Студенты Оксфорда» (Иванова Е. Чуковский и Ахматова... С. 40—41). К последней фразе письма см. запись от 10 октября 1965: «Узнать, что Корней послал в Оксфорд» (С. 654).

В том же 1965 году Чуковский дал журналу «Юность» (№ 7. С. 56) вступительную заметку к подборке избранных стихов Ахматовой (С. 328, 578, 605, 618, 628, 651, 652).

В списке «Кому дать книгу 65 <г>» (С. 573) — книга «Бег времени» с надписью «Корнею Чуковскому — думаю о Вас. Ахматова. 8 ноября 1965. Москва» была передана в больницу, куда Чуковский попал после кончины сына. См. запись от 4—5 ноября 1965: «Скоропостижно умер Николай Чуковск<ий>. Думала про тел<еграмму>. По-моему, не надо» (С. 684). Слова утешения были переданы через Л. К. Чуковскую — «Она спросила, быстро ли я доставлю Корнею Ивановичу „Бег“; внимательно расспрашивала, как перенес он Колину смерть...»⁵¹, — и в январе 1966 Чуковский писал заграничной корреспондентке: «Она так участливо отнеслась ко мне, узнав о смерти моего сына, к<ото>рого она знала мальчуганом».⁵²

Л. К. Чуковская 11 ноября 1965 писала: «Ваша книга принесла Корнею Ивановичу утешение и благо. Он не только был обрадован и тронут, но как-то сразу погрузился в нее, глубоко занялся ею. Сейчас, когда он не может ни работать, ни спать, ни разговаривать, когда ему не под силу быть с людьми и невмочь одному — Ваша книга отрада. Суперобложка ему не очень пришлась по душе („надо было сильнее уменьшить“ — сказал он), а фотографии — очень. Он сразу кинулся искать Поэму и все любимейшее. Прочитал мне вслух Элегии. И я как-то ушла от него за него спокойнее, как будто оставляла больного в надежных руках».⁵³

В свою очередь в свою последнюю больницу попала и Ахматова. 3 января 1966 она записала: «Поздравление от Корнея. Пишет, что получил запрос из Англии и Америки о моем здоровье» (С. 692). 19 января в текст письма А. Г. Найману внесено: «Сейчас принесли большой конверт от Корнея: газета со

⁵¹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963—1966. М., 1997. С. 305.

⁵² Чуковский К. Собр. соч. Т. 15. С. 696.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1048. Л. 24.

статьей Берлина, там же перевод моих воспоминаний о Мандельштаме и I-ый том американской Ахматовой. Я немного оглушена» (С. 696) — речь идет о выпуске газеты «The New York Review of Books» за 23 декабря 1965, где перевод «Листков из дневника» («Journal of Anna Akhmatova») соседствовал с рецензией И. Берлина на книгу переводов Кларенса Брауна «The prose of Osip Mandelstam» (Princeton, N.J. 1965). В сопроводительном письме к посылке первого тома американского собрания Чуковский заметил: «Если у вас ее нет, оставьте ее у себя. Если есть — вручите ее Лиде, которая будет у вас в воскресенье: я пишу сейчас об Анне Ахматовой, и книга понадобится мне для работы». Оговорка связана с тем, что ранее Чуковский участвовал в передаче Ахматовой еще одного экземпляра американской книги — 11 ноября отмечено (с характерной ахматовской аграфией — «Н. Ю.» как обозначение Нью-Йорка): «11-ое. Приходил Копелев и отдал Ирине книгу, наконец, К. И. Чуковского». I том Н. Ю. (Сегодня уже хочется только работать.)» (С. 685). А «об Анне Ахматовой» Чуковскому еще довелось писать пространную статью для так и не вышедшего в Ленинграде однотомника, ныне неоднократно перепечатанную.

5 марта 1966 Чуковский писал Исае Берлину: «Сегодня я узнал, что А. А. умерла во время пятого инфаркта у своих московских друзей и что хоронить ее будут в Питере. Я знал ее [с] 1912 г., когда ее надменный и помпезный муж подвел меня к ней на вечеринке у Сологуба, — к такой тоненькой и застенчивой (она уже тогда знала о своей победительности, но знала и что эта застенчивость идет к ней, как челка). Прошло еще два года, а слава так и не приникла к ее мужу, и он люто к тому времени возненавидел ее славу, между тем, как у нее под ногами стал вырастать пьедестал. В то время я видел ее и в горе и в радости — в теплом дружеском домашнем кругу, но пьедестал неизменно присутствовал, иногда поднимаясь, иногда чуть-чуть опускаясь, но без него она уже не могла существовать. И притом была добра, великодушна, полна друже-

любия и юмора. Ваш К. Чуковский [приписка сбоку:] Умерла она не у друзей, а в санатории Домодедово». ⁵⁴ К фразе о пьедестале ср. запись Н. И. Ильиной: «Кор<ней> Ив<анович> о ней. В посл<едние> годы жизни она была совершенно невыносима». ⁵⁵

Письма Чуковского к Ахматовой напечатаны как приложение к статье: Иванова Е. Чуковский и Ахматова... С. 36—45. Там же (с. 46—50) воспроизведен напечатанный в 1965 в «Oxford Slavonic Papers» текст: «Анне Ахматовой: приветственное слово Корнея Чуковского». Дополняют картину их взаимоотношений в последние десять лет жизни Ахматовой телеграммы, которые Чуковский посылал к ее дням рождения: 1958 — «Целую Вашу чудотворную руку. Любящий Вас»; 1959 — «Горжусь Вами Вашей дружбой Поздравляю Целую руку»; 1960 — «Дорогая Анна Андреевна от всей души приветствую Вас чту и люблю»; 1964 — «Горжусь что мне выпало счастье быть современником Анны Ахматовой тчк Мечтаю дожить до той минуты когда читатели получают наконец Вашу долгожданную книгу из медлительных рук Госиздата». См. также его ответ на ее поздравление с 80-летием: «Ваше поздравление для меня величайшая почать Целую Вашу чудотворную руку». ⁵⁶

См. о нем: Петровский М. С. Книга о Корнее Чуковском. М., 1966; Петровский М. Поэт Корней Чуковский // Чуковский К. Стихотворения. СПб., 2002. С. 5—60.

⁵⁴ «Я незаслуженно получил бессмертие в ее поэзии». (Из переписки Исаи Берлина). Публ., подгот. текста и коммент. Т. С. Поздняковой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь, 2009. С. 8.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 3147 (Ильина Н. И). Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 24.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1605.